

Посвящается Александру Леону

*До тех пор не удостоится оратор веры,
пока не представит своим словам
математическое доказательство.*

Аристотель

*Это не ты, это разнузданная обыденность,
врата безумья, топкая реальность,
наркотики, инфляция, решенья невнопад
и боги павшие, бесплодные мечты,
Берлин, Фидель, папа римский, Горбачев и Аллах.
Это не ты, любовь моя... это другие.*

Сантьяго Фелиу

Маргарита, я расскажу тебе сказку.

Рубен Дарио

Когда это случилось, шел 1993 год, для Кубы — нулевой. Год постоянных блэкаутов, когда Гавана вдруг заполнилась велосипедами, а кладовки опустели. Не было ничего. Транспорт — на нуле. Мясо — на нуле. Надежды — на нуле. У меня за душой было тридцать лет и тысячи проблем. Потому-то я и вляпалась в эту историю, хотя вначале и не подозревала, что для остальных она началась гораздо раньше, в апреле 1989 года, когда газета «Гранма» опубликовала заметку под заголовком «Телефон изобрели на Кубе», об итальянце Антонио Меуччи. Большинство мало-помалу скоро позабыло об этой статье, но только не они: они-то заметку вырезали и сохранили. Однако мне она тогда на глаза не попала, и в 1993 году я ничего не знала об этом деле, пока, толком не сообразив, как так получилось, стала одной из них. Это было неизбежно. Университет я окончила по специальности «математика» и в силу своей профессии привыкла к логичности метода и мышления. Я знаю, что есть феномены, реали-

зующиеся исключительно при сочетании сразу нескольких факторов, а в тот год мы оказались в такой заднице, что неизбежно должны были сойтись в одной точке. Мы оказались переменными в одном уравнении. В уравнении, которое останется нерешенным еще многие годы, и, уж конечно, решать его будут без нас.

Лично для меня все началось в доме одного моего друга, зовут которого... скажем, Эвклид. Да, я предпочла скрыть настоящие имена всех замешанных в этой истории, чтобы никого невзначай не обидеть. Согласны? Итак, Эвклид — первая переменная этого чертова уравнения.

В тот вечер, помнится, мы пришли к нему домой, и его старушка-мать встретила нас известием, что насос сломался и нам придется таскать воду ведрами, чтобы наполнить все емкости в доме. Друг мой недовольно скривился, и я предложила свою помощь. Этим мы и занимались, когда я вдруг вспомнила об одном разговоре за ужином несколько дней назад. Ну и спросила, не слышал ли он когда-нибудь о некоем Меуччи. Эвклид поставил ведро на пол, поднял на меня взгляд и переспросил: Антонио Меуччи? О да, судя по всему, это имя он уже слышал. Он поднял мое ведро, перелил в бочку и заявил матери, что продолжит позже, потому что устал. Старушка запротестовала, но Эвклид проигнорировал ее возражения, взял меня под руку и повел к себе в комнату, где тотчас же включил приемник, как делал всякий раз, когда не желал быть услышанным. Он настроился на радиостанцию

с классической музыкой и только после этого попросил, чтобы я все подробно ему рассказала. Я сообщила ему то небольшое, что мне было известно, и прибавила: все началось некоторое время назад, потому как один писатель пишет о Меуччи книгу. «Писатель? Какой писатель?» — спросил он серьезно, и тут уже встревожилась я: к чему эти вопросы? Эвклид полез в платяной шкаф. Вылез оттуда с папкой в руках и снова сел на кровать рядом со мной. «Меня уже несколько лет занимает эта история», — объявил он.

И стал рассказывать. Так я узнала, что Антонио Меуччи был итальянцем, что родился он во Флоренции в XIX веке, а в 1835 году поднялся на борт корабля, направлявшегося в Гавану. Меуччи собирался работать техником в театре «Такон», в ту пору — самом большом и красивом театре во всей Америке. Будучи ученым и страстным изобретателем, Меуччи среди прочего стал изучать электрические явления, или гальванизм, как тогда это называли, но вообще он занимался самыми разными вещами, в том числе и в области медицины. Именно для медицинских нужд и предназначались некоторые из его изобретений, и как раз в ходе одного из электротерапевтических экспериментов он услышал голос другого человека, проводником которого послужил созданный им аппарат. А это и есть суть телефона. Разве не так? Передавать голоса с помощью электричества.

И вот с этим, как он его назвал, «говорящим телеграфом» Меуччи отправился в Нью-Йорк, где за-

нялся усовершенствованием своего изобретения. Через некоторое время ему удалось зарегистрировать что-то вроде временного патента, который полагалось обновлять каждый год. Однако у Меуччи не было ни гроша за душой, так что годы шли, и в один прекрасный день 1876 года на сцене возник Александр Грейам Белл, который от своего имени и зарегистрировал патент на телефон. У него деньги как раз водились. В конце концов Белл вошел в историю как великий изобретатель, а Меуччи умер в бедности, позабытый всеми, за исключением его родной страны, которая всегда признавала его первенство.

«Кругом ложь, и учебники истории тоже лгут», — сказал Эвклид, раскрывая папку и показывая мне ее содержимое. Ксерокопия статьи от 1941 года кубинского антрополога Фернандо Ортиса, где был упомянут Меуччи и то, что телефон, возможно, был изобретен в Гаване. Несколько листов с какими-то пометками, несколько старых статей из «Богемии» и «Мятежной молодежи», а самое свежее — экземпляр «Гранмы» от 1989 года, где была опубликована статья с заголовком «Телефон изобрели на Кубе».

Я была ошарашена. Несмотря на то что с тех событий прошла уйма времени, а я и по сей день не имела возможности оценить у себя дома преимущества, которые принесло с собой изобретение телефона, меня охватила гордость при одном лишь предположении, что изобретение это родилось в моей стране. Невероятно. Разве нет? Возможно ли, что телефон изобретен в этом городе, где теле-

фоны почти никогда не работают? Это как если бы здесь открыли электричество, построили параболическую антенну или изобрели интернет. Ирония судьбы в науке и стечение всевозможных случайностей. Упущенный шанс, как у самого Меуччи — человека, более века спустя после своей смерти по-прежнему пребывающего в забвении, поскольку никому не удалось доказать, что его изобретение опередило творение Белла.

«Какая ужасная историческая несправедливость!» — что-то вроде этого вырвалось у меня, когда Эвклид завершил рассказ. Но в тот день мне предстояло узнать и еще кое-что. Эвклид встал с кровати, сделал несколько шагов и повернулся, чтобы сказать, глядя мне в глаза: «Несправедливость, да, но это дело поправимое». Я не поняла, и он вновь сел рядом, схватил меня за руки и, понизив голос, сказал: «Не существует ничего, что нельзя было бы доказать, дорогая моя, однако доказательство, а тем самым и восстановление первенства Меуччи существует, и я это точно знаю, поскольку видел его собственными глазами». Понятия не имею, что в тот момент выражало мое лицо, помню только, что я промолчала. Он отпустил мои руки, но взгляда не отвел. Подозреваю, что он ожидал другой реакции — что я подпрыгну или громко вскрикну, не знаю, но единственным моим чувством в тот момент было любопытство, так что произнесла я лишь одно слово: «Доказательство?»

Мой друг вздохнул, снова встал и начал расхаживать по комнате. «Какое-то время назад, — ска-

зал он, — я познакомился с удивительной женщиной, чья семья когда-то процветала, и поэтому у нее сохранились разные предметы, которые какой-нибудь невежда назвал бы старой рухлядью, однако интеллигентные люди способны оценить их художественную и историческую ценность. Кроме самых разных вещей, многие из которых являются настоящими реликвиями, у этой дамы сохранились и старые бумаги: всякие старинные свидетельства о рождении и сертификаты о праве собственности, взглянув на которые любой историк или коллекционер слюной бы подавился». И в этих бумагах Эвклид обнаружил листок с собственноручными записями Антонио Меуччи.

Я сначала подумала, что он шутит, но видели бы вы в тот момент его лицо! Он просто сиял. Кто-то из предков этой дамы пересекался с Меуччи здесь, в Гаване, и сохранил у себя документ с описанием того эксперимента итальянца. Но мне все это по-прежнему казалось несколько странным и, более того, слишком невероятным совпадением, но Эвклид поклялся, что держал документ в руках и уверен в его подлинности. «Ты представляешь себе, что такое оригинальный научный документ?» Он произнес это широко открыв глаза. Я напрягла воображение. Для любого ученого опубликовать, ввести нечто подобное в научный оборот — без всяких сомнений престижно. И естественно, Эвклид сделал все, что было в его силах, чтобы уговорить владелицу отдать ему документ, однако та уперлась. По ее словам, ее не интересовало содержание

документа, но он имел для нее некую сентиментальную ценность.

В общем-то, Эвклид мог это понять: она стремилась сберечь для себя вещи и бумаги, которых касались руки ее родных и которые, в определенном смысле, еще хранили их следы. Это проявлялось в том, что некоторые из документов, в том числе и автограф Меуччи, она аккуратнейшим образом прикрепила к белым листам плотной бумаги, чтобы они не мялись, не рвались, не заламывали уголки и не рассыпались в прах от ветхости. Мучением для Эвклида стало другое: как бы трепетно ни относилась она к своей собственности, с некоторыми вещами она все же была вынуждена расстаться — кое-что из столового серебра, золотое распятие и тому подобное — в те времена, когда правительство решило поскрести граждан на наличие драгоценных металлов, которые выменивались у них на талоны, дающие право купить цветной телевизор или какую-нибудь брендовую тряпку в так называемых «Домах золота и серебра». Эвклид прекрасно понимал переживания этой дамы, которой не оставалось ничего иного, кроме как тратить накопленные в семье ценности ради того, чтобы выжить. Чего он не понимал, так это как человек, способный отдать серебряную пепельницу деда за кассетный стереомагнитофон, не может взять в толк, что этот документ обладает мировым научным значением. В приступе отчаяния он даже предложил ей деньги. Но нет, она твердо стояла на своем: дедушкина пепельница может катиться